

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ**Б. Г. Юдин****От гуманитарного
знания
к гуманитарным
технологиям¹**

Следующим составным элементом нашего контура является бизнес, предпринимательский капитал.

Именно он финансирует лабораторию, обеспечивая тем самым возможности создания новых технологий. В свою очередь, массовый потребитель, оплачивая технологические новшества, позволяет бизнесу не только возмещать произведенные затраты, но и извлекать прибыль, которая часто инвестируется опять-таки в лабораторию, в создание все новых технологий. Важно подчеркнуть устойчивый характер связей между тремя рассмотренными элементами — бизнес вовлекается в этот контур не в разовом порядке, не от случая к случаю, а становится неотъемлемой частью постоянно действующего и неуклонно разрастающегося контура.

В качестве связующего звена между всеми названными элементами выступает еще один — средства массовой информации, СМИ. Они выполняют в этом контуре целый ряд функций.

Прежде всего, они доводят до потенциального потребителя информацию о появлении на рынке технологических новшеств. Но роль СМИ в данном контуре отнюдь не ограничивается бесстрастным информированием. Напротив, очень часто они формируют потребности в тех или иных технологиче-

ских продуктах — в этом плане будет достаточно напомнить о том, сколь изозированной, навязчивой и даже

агрессивной может быть реклама. Заметим здесь, что рекламировать гидроэлектростанцию или, скажем, шагающий экскаватор было бы бессмыслицей — реклама уместна только там и тогда, где и когда имеется в виду массовый потребитель. Именно СМИ, выступая в этой функции, позволяют включить в контур потребителя.

Термин «СМИ» используется нами в весьма широком и, быть может, не очень точном смысле. «СМИ» здесь — это по сути дела различные технологии работы с информацией, информационного обеспечения контура. Можно сказать и так: термин «СМИ» в данном случае относится ко всем тем социальным и гуманитарным технологиям, которые *существенно важны, необходимы* для функционирования контура.

Так, особую сферу деятельности внутри контура составляет доведение до потребителя не только информации о вновь созданной технологии, но и самой этой технологии. Скажем, по некоторым оценкам, при производстве нового лекарственного препарата на собственно его создание (т. е. на лабораторию) приходится примерно десятая часть всех финансовых затрат, а все остальные

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, грант №03-03-00121а. Окончание, начало в №3 за 2005 г.

расходы ложатся на продвижение препарата до стадии рыночного продукта. Разумеется, деятельность по продвижению новой технологии тоже строится сегодня на технологической основе, причем на этих стадиях основную роль играют именно социальные и гуманитарные технологии. А это еще раз свидетельствует о том, что разработка некоторого продукта — в данном случае лекарственного препарата — в рамках технауки есть не более чем часть технологического процесса и что, стало быть, *технаука имеет дело, прежде всего не с объектами* как таковыми, *а с обширными контурами*, включающими помимо этих объектов также совместную, согласованную деятельность самых разных людей и социальных структур.

Сколь бы эффективной ни была реклама, ее не следует демонизировать и считать всемогущей. Потребитель, вообще говоря, вовсе не является марионеткой, легко поддающейся манипулированию. У него есть и свои собственные, а не только диктуемые извне потребности и предпочтения. Эффективность функционирования контура технауки во многом обеспечивается тем, что в него встроены механизмы выявления потребительских интересов и ожиданий. Благодаря применению социальных и гуманитарных технологий эти интересы и ожидания, в свою очередь, доводятся до сведения бизнеса и лаборатории и становятся факторами, определяющими стратегию развития технологий.

Следует сказать, далее, о еще одной сети, по которой циркулирует информация в контуре. На этот раз имеется в виду не массовая, а специализированная информация о желании того или иного предпринимателя вкладывать средства в разработку определенных технологий, с одной стороны, и о технологических возможностях и перспективах той или иной лаборатории, с другой. Во многих случаях, но далеко не всегда, лаборатория бывает составной частью деловой компании. Если же таких жестких отношений нет, то становится необходимым информационный посредник.

В целом, таким образом, технаучный контур включает четыре элемента, связанных между собой прямыми и обратными информационными, финансовыми и товарными потоками. Следует подчеркнуть, что обратные связи внутри этого контура являются положительными: сигнал, проходящий от одного элемента к другому, не ослабевает, как бывает при наличии отрицательной обратной связи, а напротив, усиливается. Тем самым обеспечивается беспрецедентный динамизм в работе контура.

На практике это выглядит примерно так: лаборатория целенаправленно работает на удовлетворение запросов потребителя, которые становятся известными ей благодаря деятельности СМИ; потребитель готов нести расходы на продукцию, которая отвечает его запросам; благодаря этому предприниматель получает прибыль, которую он, в свою очередь, инвестирует в лабораторию, тем самым запуская новый цикл обновления технологии; СМИ формируют у массового потребителя все новые запросы, вызывая интерес к непрерывной замене уже имеющихся у него изделий на новые, которые становятся все более эффективными, все более полезными, все более привлекательными...

Заметим теперь, что, как известно из кибернетики и теории систем, контуры с отрицательной обратной связью бывают устойчивыми, тогда как контуры с положительными обратными связями, напротив, характеризуются чрезвычайной нестабильностью. Любой сигнал в таком контуре, проходя от элемента к элементу, усиливается, так что достаточно быстро система с положительными обратными связями идет, что называется, вразнос и либо разрушается, либо переходит в качественно новое состояние. Можно утверждать, следовательно, что описанный нами контур технауки неустойчив. Но, увы, ни кибернетика, ни теория систем не могут предсказать нам, каким будет последующее развитие событий.

В предшествующем изложении так или иначе затрагивались технологии не только естественнонаучных, но и социальных и гу-

манитарных. Теперь, опираясь на предлагаемую здесь концепцию технологического в целом, можно более обстоятельно и содержательно обсуждать специфические характеристики гуманитарных технологий.

Прежде всего, следует уточнить наше понимание терминов «социальные» и «гуманитарные» применительно к технологиям. Различие между ними довольно простое — там, где речь идет о технологических воздействиях на индивида (или на индивидов), имеет смысл говорить о гуманитарных технологиях (ГТ); там же, где речь идет о воздействиях на социальные общности любого масштаба, имеет смысл говорить о социальных технологиях.

По сути дела это означает, что очень часто одни и те же воздействия можно относить и к одному, и к другому виду. Но для нас будет существенной разница в акцентах, поэтому мы и будем обсуждать главным образом ГТ, т.е. технологии, ориентированные на человека.

И еще одно уточнение: прилагательное «гуманитарный» может иметь два значения: либо оно выражает отнесенность к гуманитарным наукам, к гуманитарному знанию, либо — сфокусированность на человеке. Для нас будут существенными оба эти значения.

ГТ можно понимать как новые, современные формы бытования и функционирования гуманитарного знания. Конечно, как и во всех других случаях, при более пристальном рассмотрении будут обнаруживаться предшественники и предтечи. Однако мы здесь не будем искать их, как и специально обосновывать новизну ГТ. Действительно, для серьезного обсуждения этой проблемы необходимо прежде построить развернутое представление о том, что именно представляют собой такие технологии; только после этого можно будет осмысленно приступать к глубинному поиску их исторических корней и анализу того, как соотносятся история и современность ГТ. В любом случае, впрочем, реализуясь в наши дни, эти современные

формы не могут не нести на себе каких-то специфических «примет времени». Главное, о чем необходимо сказать — это то, что эффективное использование ГТ, как и их широкое распространение в наши дни, во многом обязаны тому, что современное общество вступило в стадию информационного: информация является «субстанцией» ГТ, и возможности их эффективного применения, вообще говоря, тем шире, чем большие количества людей могут подвергаться их воздействию.

Если обратиться к развитию ГТ в нашей стране, то нельзя пройти мимо творчества отечественного философа и методолога Георгия Петровича Щедровицкого (1929–1994). Напомнив рассмотренное ранее различие естественного и искусственного, сразу же отметим, что Щедровицкий был непримиримым противником «естественного» и, напротив, приверженцем «искусственного». Методологическая работа для него и была необходимым условием проектно-конструкторско-технологического отношения к миру. Объектом его резкой критики, в частности, был натурализм, свойственный традиционной науке.

«Традиционные науки, — писал он, — не дают знаний, необходимых для этой [организационно-управленческой — Б. Ю.] деятельности; объясняется это прежде всего сложным, синтетическим, или, как говорят, комплексным характером этой деятельности и *аналитическим, или «абстрактным», характером традиционных научных дисциплин* (курсив мой — Б. Ю.)»¹. Иными словами, существующие научные знания в силу своей абстрактности заведомо не подходят для решения новых задач; необходимы новые формы функционирования науки и новые способы ее подключения к тем сферам деятельности, которые становятся наиболее значимыми для жизни общества.

Вскоре после этого дается характеристика методологической работы как работы, основной смысл которой — генерирование но-

¹ Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 280.

вых средств и инструментов деятельности: «Суть методологической работы не столько в познании, сколько в создании методик и проектов, она не только отражает, но также и в большей мере создает, творит заново...»¹.

А дальше еще более четко: «И этим же определяется основная функция методологии: она обслуживает весь универсум человеческой деятельности прежде всего проектами и предписаниями. Но из этого следует также, что основные продукты методологической работы — конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т. п. — не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются лишь на реализуемость (в последнем случае курсив мой — Б. Ю.)»².

В данном случае речь идет о методологии, о методологической работе, но ясно, что такую работу Щедровицкий понимал чрезвычайно широко. Можно даже утверждать, что, с его точки зрения, она включает в себя едва ли не всю сферу гуманитарных наук, но, конечно, не аналитических, «абстрактных», а понятых особым образом:

«Научно-техническая революция... поставила сейчас, в начале 70-х годов нашего века, задачу синтеза в инженерии технических, естественных и социально-гуманитарных знаний, а вместе с тем и этих наук. Дальнейшее развитие всех этих областей, и в первую очередь самой инженерии, без ориентации на гуманитарные науки, на мой взгляд, просто невозможно. Но синтез такого рода сегодня упирается, как мне кажется, в неадекватность самих гуманитарных знаний (курсив мой — Б. Ю.)»³.

Перед нами проект создания гуманитарного знания нового типа — знания по своей сути не предметного, а технологического. Вообще-то говоря, традиционное гумани-

тарное знание ориентировано на понимание социального и человеческого мира, а выражением его результативности являются прежде всего интерпретации и переинтерпретации этого мира постольку, поскольку эти интерпретации получают признание. Интерпретации, получившие признание, могут затем становиться основаниями, определяющими человеческие действия (становятся материальной силой, если воспользоваться широко известным выражением). В таком их функционировании уже заложены элементы технологичности гуманитарного знания в той мере, в какой оно используется для изменения (социальной и человеческой) реальности. Однако Щедровицкий идет гораздо дальше по пути технологизации гуманитарного знания, трактуя его не как знание о тех или иных предметах вне нас, а как рецептуру наших действий, направленных на достижение преследуемых нами целей.

Принципиально важным в этом смысле представляется проводимое Щедровицким различие и даже противопоставление результативности и истинности; здесь он прямо апеллирует к К. Марксу: «... продукты и результаты методологической работы в своей основной массе — это не знания, проверяемые на истинность, а проекты, проектные схемы и предписания. И это неизбежный вывод, как только мы отказываемся от узкой, чисто познавательной установки, принимаем тезис К. Маркса о революционно-критическом, преобразующем характере человеческой деятельности... (курсив мой — Б. Ю.)»⁴.

Конечно, сама по себе мысль о том, что в так называемых прикладных науках ценится не истинность получаемых знаний, а их эффективность, результативность, была бы не более чем банальностью. Но хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства.

¹ В этой связи имеет смысл отметить, что Щедровицкий характеризовал методологию как технологию мышления.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 439.

⁴ Там же. С. 96.

Во-первых, Щедровицкий в этих рассуждениях характеризует познавательную установку с ее ориентацией на истинность не только как абстрактно-аналитическую, но и как узкую, стало быть, — ограниченную. Проблема истинности гуманитарного знания отнюдь не является простой и при традиционном его понимании как знания не столько объясняющего, сколько интерпретирующего, понимающего. Тем не менее познавательная установка с ее необходимостью так или иначе полагать объект, подлежащий пониманию и интерпретациям, пусть даже самым различным, как нечто существующее независимо от конструирующего мышления, задает ограничения, которых нет перед установкой проектно-деятельностной. Теперь же оказывается, что эта установка ограничивает возможности применения гуманитарного знания.

Во-вторых, речь у Щедровицкого идет (а это для того времени было совершенно новым и, в силу такой новизны, трудно фиксируемым) о том, что неадекватен сам традиционный процесс (или путь) *получения гуманитарных* или социально-гуманитарных знаний. Возможность не просто их применения, но и производства в сугубо технологической, утилитарно-функциональной перспективе представляет собой глубокий разрыв с существовавшими тогда представлениями о том, как устроено и как «работает» гуманитарное знание.

Необходимо отметить, что тогда, когда Щедровицкий не только высказывал, но и реализовывал эти идеи, их было относительно нетрудно осмысливать применительно к естественным и техническим наукам. Если же говорить о гуманитарном знании, то, пожалуй, единственной сферой, где в принципе можно было задумываться об основанных на гуманитарном знании технологиях, являлась педагогика, но и для нее, насколько можно судить, такой технологический подход был тогда совершенно чужд. Между тем Щедро-

вицкий совместно со своими коллегами разработал и реализовал практически такую ГТ, как организационно-деятельностные игры (ОДИ). ОДИ — это весьма четко проработанные технологии коллективного взаимодействия; в процессе проведения игры участники под руководством инструкторов-консультантов имитируют проблемные ситуации, возникающие в сфере их деятельности.

Довольно скоро ОДИ приобрели большую популярность. Интересным при этом было то, что, как выяснилось, обе категории участников ОДИ не обрели какого-то особого нового знания, получение которого могло бы объяснить растущий интерес к этим деловым играм. Оказалось, что их смысл заключен не в обретении нового знания, а в новом понимании тех или иных ситуаций, т. е. *в новом сознании*. ОДИ, следовательно, оказались технологией воздействия на сознание, предназначенной для коллективной работы.

Представляется, что сегодня социально и гуманитарное знание в нашей стране все более основательно осваивает те маршруты, которые прокладывал для него Щедровицкий. Речь идет о том, что наиболее востребованными становятся именно технологические возможности этого вида знания. Это обстоятельство было зафиксировано, в частности, А. В. Юревичем¹.

Сегодня мы постоянно слышим сетования по поводу тяжелого, если не безнадежного, состояния отечественной науки в целом, а особенно науки гуманитарной. Но вот на этом фоне обнаруживается, что по целому ряду выделяемых А. В. Юревичем симптомов можно зафиксировать возрождение социогуманитарной науки в современной России. Среди этих симптомов автор указывает такие чуткие индикаторы, как, например, возрастание общей численности специалистов и количества научных центров; наиболее высокая стоимость платного обучения и вместе с тем высокий спрос на него; постоянный ин-

¹ См. его статью «Звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России» // Вопросы философии. 2003, №12. С. 113–125.

терес и внимание СМИ к проблематике социогуманитарного знания.

Это значит, что востребованность социогуманитарного знания является следствием приоритетов, запросов и потребностей, складывающихся в обществе, в его сознании, а не какой-то осмысленной политики властей. В пользу такого вывода говорит следующее обстоятельство. При сопоставлении различных «секторов» отечественной социогуманитарной науки: академического, вузовского, отраслевого и «независимого», по таким параметрам, «как уровень доходов их представителей, общественный интерес, благополучие исследовательских центров, достаточно отчетливо обнаруживается, что в наилучшем положении оказалась «независимая» наука, а в худшем — отраслевая и академическая»¹.

К сказанному Юревичем можно добавить, что и те, кто занят в академической и отраслевой гуманитарной науке, все более склонны ориентироваться не столько на мизерное бюджетное финансирование, сколько на поиск возможностей, возникающих в сфере технологических приложений. Между прочим, становление и развитие ОДИ как организованной формы применения социогуманитарного знания можно интерпретировать как важный шаг на пути создания — в тех условиях, когда об этом трудно было даже помыслить, — независимых структур в подвергавшейся достаточно жесткому идеологическому контролю области науки.

Ныне же мы являемся свидетелями того, как находит свое воплощение многое из того, что в 70-е годы прошлого столетия могло видеться лишь как более или менее отдаленная перспектива. Гуманитарное знание все чаще выступает в технологических формах, будучи направленным не столько на объяснение, сколько на изменение реальности. Деятельностная установка основательно потеснила натуралистическую.

В наши дни, говоря о ГТ, нет надобности далеко ходить за примерами: многие из них сегодня стали ходовым товаром. Они, что

называется, на слуху, а некоторые даже вызывают самое широкое негодование. Сколько гневных слов, скажем, было обращено в адрес политтехнологов, т. е. тех, кто переводит на технологические рельсы решение каких-либо политических задач! Задачи эти, как правило, носят ограниченный и вполне конкретный характер. Чаще всего речь идет об обеспечении благоприятных для «клиента» итогов выборов.

Эти ограниченность и конкретность — обязательные атрибуты любой технологии. Результат ее применения уже в исходной точке должен быть задан со всей определенностью, позволяющей оценить, действительно ли удалось его достичь.

Другие примеры: не менее известная сфера пиара (PR). Само это именование уже получило права гражданства в русском языке, как разнообразные психотерапевтические технологии индивидуального или группового воздействия. В предыдущем разделе, напомним, обсуждались технологии рекламы, которые стали необходимым составным элементом контура технауки.

Характерной особенностью современных ГТ является то, что в большинстве случаев результатом, на получение которого они направлены, является та ли иная поведенческая реакция индивида, скажем, голосование за определенного кандидата в случае применения выборной политтехнологии. В определенном смысле политтехнологом можно было бы назвать идеологического работника недавнего прошлого; однако между ним и современным технологом имеются серьезные различия. Задачей идеологического работника было, в конечном счете, воздействие на глубинные слои личности, формирование или изменение ее ценностей и, таким образом, ее существенное изменение в соответствии с некоторым идеалом. Однако сам этот идеал был выражен весьма расплывчато, что не позволяло сколько-нибудь строго оценивать эффективность воздействий. Современного же политтехнолога мало волну-

¹ Юревич А. В. Звездный час гуманитариев... С. 123–124.

ют глубокие слои личности, ему важен четко фиксируемый результат, скажем, голосование за кандидата А. Можно говорить о том, что его подход — чисто симптоматический. Его интересует не личность как таковая, а возможности манипулирования ее поведением.

Это вполне согласуется с пониманием технологий как средств, создаваемых и используемых для достижения определенных целей. В этой связи имеет смысл отметить одно интересное различие между естественнонаучными и гуманитарными технологиями.

Отметим еще один важный для анализа ГТ параметр. Говоря о современных технологиях, Ф. Фукуяма называет их технологиями свободы¹, имея в виду то, что они неизмеримо расширяют возможности человека. Он ссылается при этом на известного американского исследователя массовых коммуникаций Итиел де Сола Пула². Последний имел в виду то обстоятельство, что новые возможности распространения информации затрудняют ее цензуру и позволяют людям получать разносторонние сведения об интересующих их событиях. Фукуяма же понимает термин «технологии свободы» более широко, относя их ко всем современным технологиям (его в данном случае интересуют прежде всего биотехнологии) постольку, поскольку они создают для человека возможности выбора в таких ситуациях, в которых прежде от него ничего не зависело.

Если, однако, говорить о ГТ, то они очень часто выступают в иной, прямо противопо-

ложной, роли, поскольку предназначаются для того, чтобы *навязать* индивиду тот или иной выбор. Безусловно, в данном случае речь идет о «мягком» воздействии, поскольку нет прямого принуждения. Тем не менее во многих случаях эти технологии применяются именно для того, чтобы индивид делал тот выбор, который требуется клиенту-заказчику данной ГТ.

Представляется, что именно этой практикой использования ГТ как средства манипуляции можно объяснить то, что нередко отношение к ним бывает по меньшей мере настороженным. Но, как мы уже не раз отмечали, технологии — это всего лишь средства, пусть и весьма мощные, человеческой деятельности. А это значит, что использование ГТ в целях манипуляции сознанием и поведением людей вовсе не является неизбежным. И здесь, если сослаться на опыт применения естественнонаучных технологий, следует отметить, что люди разработали специальные средства (иначе говоря, технологии) для выявления и оценки риска, с которым может быть сопряжено распространение той или иной новой технологии. Эти средства оценки вполне могут быть отнесены к числу ГТ, но направленных не на манипуляцию, а опять-таки на расширение возможностей выбора. Деятельность выявления и оценки риска, связанного с распространением новых технологий, получает разные именованья, одно из которых — *гуманитарная экспертиза*. Обширным пространством для применения гуманитарной экспертизы следует считать и все то, что относится к ГТ.

¹ Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. N.Y., 2002. P.15.

² Ithiel de Sola Pool. Technologies of Freedom. Cambridge, Mass., 1983.